

Венделин ван Драанен

ПРИВЕТ, ДЖУЛИ!

**ОНА ВЛЮБИЛАСЬ В НЕГО С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА.
ОН С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА ЕЕ ВОЗНЕНАВИДЕЛ.**

Венделин ван Драанен

Привет, Джули!

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ван Драанен В.

Привет, Джули! / В. ван Драанен — «Издательство АСТ», 2001

ISBN 978-5-17-154421-8

Джули влюбилась в Брайса с первого взгляда. А он с первого взгляда ее возненавидел. Это было во втором классе, но с тех пор мало что изменилось. Джули думает: «Брайс все еще задолжал мне первый поцелуй». Брайс думает: «За моими плечами почти шесть лет изощренного избегания и социального дискомфорта». Но внезапно все переворачивается с ног на голову. Только Брайс начинает думать, что, возможно, в Джули есть что-то такое, чего он не замечал раньше, как она понимает: похоже, он – не совсем то, что ей нужно. «Привет, Джули!» – классическая романтическая комедия ошибок, повествователями которой являются обычные подростки. Осталось понять, кто же в кого на самом деле влюбился. По мотивам романа снят одноименный фильм. Режиссером выступил Роб Райнер, который также режиссировал такие фильмы, как «Волк с Уолл-стрит» и «Когда Гарри встретил Салли».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-154421-8

© ван Драанен В., 2001

© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Со дна постучали	6
Никогда не буду прежней	10
Берегись, приятель!	14
Платан	19
Ко-ко-ко	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Венделин ван Драанен

Привет, Джули!

Wendelin Van Draanen
FLIPPED

Copyright © Wendelin Van Draanen, 2001
© Вишневецкая Н., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Колтону и Коннору с бесконечной любовью. Благодаря вам я
больше, чем просто сумма моих частей.*

Особенные благодарности...

моему мужу, Марку Парсонсу, который помогает мне почувствовать магию.

Нэнси Сиско, моему великолепному редактору, за ее заботу и идеи (и за то, что помогала мне придерживаться диеты).

Также бесконечная благодарность Таду Каллагану и Патрише Гейбл – ваши идеи всегда на высоте.

Наконец, спасибо Джинни Мадрид и персоналу в «Доме жизни». Сохраняйте присутствие духа.

Со дна постучали

= Брайс =

Больше всего на свете я всегда хотел, чтобы Джули Бейкер оставила меня в покое. Отстала, дала мне немного личного пространства – разве я много прошу?

Все началось летом после первого класса – когда я переехал в ее район. Сейчас мы уже заканчиваем *восьмой* класс, так что, друг мой, за моими плечами почти шесть лет изощренного избегания и социального дискомфорта.

Она не просто вошла в мою жизнь. Она ворвалась. Вклинилась. Влетела, снося все на пути. Мы разве приглашали ее в наш грузовик и разрешали лазить по коробкам? Нет! Но именно это она и сделала. Так бесцеремонно командовать и задирать нос умеет только Джули Бейкер.

Когда она запрыгнула в фургон, папа, конечно, попытался ее остановить.

– Эй! – возмутился он. – Ты чего делаешь? Ты же везде грязь развозишь!

Справедливое замечание – ее туфли напоминали два грязевых тортика. Но она и ухом не повела. Вместо того чтобы убраться восвояси, она плюхнулась на пол и начала пихать ногами одну из коробок.

– Вам что, не нужна помощь? – Она глянула на меня. – По-моему, нужна.

Мне это не понравилось. Во взгляде отца я тоже увидел недовольство, хотя он и на меня так смотрел всю последнюю неделю.

– Эй! – он повысил голос. – Не надо! В этой коробке ценные вещи!

– Ой. А в этой? – Она переползла к коробке с надписью ЛЕНОКС¹ и снова на меня покосилась: – Давай вдвоем ее вытащим!

– Нет, нет и нет! – запротестовал папа и взял ее за локоть. – Почему бы тебе не пойти домой? Твоя мама наверняка волнуется.

Тогда-то я и заподозрил, а в дальнейшем не раз убедился, что эта девочка абсолютно не понимает намеков. Как думаете, отстала она от нас, когда ее об этом попросили, как сделал бы любой нормальный ребенок? Нет. Она лишь сказала:

– О, мама знает, что я у вас. Она мне разрешила. – Она показала на дом через дорогу и сообщила: – Мы живем вон там.

Взглянув на так называемый дом, папа с содроганием пробормотал:

– О боже. – Затем он обернулся ко мне, подмигнул и скомандовал: – Брайс, тебе, кажется, пора в дом. Нужно помочь маме.

Я сообразил: это же хитрый план побега! Позже, вспоминая тот момент, я понял, что прежде папа никогда так не делал. Обычно с отцами вообще не обсуждают, как бы кого-нибудь спровадить. Когда родители тебя воспитывают, они чаще, наоборот, заявляют, что так подло от кого-то отделяться невежливо. Терпи и улыбайся, даже если человек раздражает тебя или грязный как поросенок. А папа вот решил помочь мне с побегом.

Меня уговаривать не пришлось. Я оживился, крикнул «А то!», сию же секунду выпрыгнул из фургона и побежал к дому. Мне сразу показалось, что девчонка рванула следом, но я поначалу не поверил. Решил, что, может, она побежала в другую сторону? Набраться смелости и посмотреть я не успел – она меня обогнала, схватила за руку и потащила вперед. Это было уже слишком!

¹ Ленокс (англ. Lenox) – элитный производитель керамики, хрусталя, фарфора, столовых приборов, домашних предметов декора.

Я брыкался, готовясь послать ее куда подальше, но тут произошел уже настоящий кошмар. Размахивая руками в тщетных попытках освободиться от девчонки, я случайно угодил ладонью в ее ладонь. Не верю! Я схватил за руку эту грязную маленькую макаку! Я попытался стряхнуть ее, но она не унималась: вцепилась еще сильнее и продолжила меня тащить, приговаривая:

– Ну скорее!

Из дома вышла мама, и на ее лице сразу же нарисовалось самое сентиментальное в мире выражение.

– О, здравствуй, – поприветствовала она Джули.

– Здравствуйте!

Я все еще отвоевывал свою руку, но девчонка вцепилась мертвой хваткой. Мама улыбнулась, глянув на наши ладони и мое огненно-красное лицо.

– Милая, как тебя зовут?

– Джулианна Бейкер. Я живу вон там. – Она указала на свой дом свободной рукой.

– Вижу, ты познакомилась с моим сыном. – Мама не переставала широко улыбаться.

– Ага!

Я наконец выпутался и сделал единственное, что мог сделать семилетний ребенок на моем месте, – спрятался за маму, но она тут же поймала меня за плечи и предложила:

– Брайс, милый. Может, покажешь Джулианне наш дом?

Я как мог подавал ей сигналы бедствия, но она не поняла и лишь подтолкнула меня:

– Давай.

Если бы мама не заметила грязные туфли Джули и не попросила разуться, та бы в них и пошла. Потом мама сказала, что грязные носки тоже никуда не годятся, но Джули не смутилась – просто сняла их и положила на крыльцо.

Я не стал устраивать ей экскурсию по дому, – вместо этого я поскорее закрылся в ванной. После десяти минут криков через дверь в духе «Нет, выходить я не собираюсь!» в холле, кажется, стало тихо. Спустя еще десять минут я наконец осмелился высунуться из-за двери. Джули не было. Я выскользнул из ванной, оглянулся, и... ура! Она ушла. Не самое блистательное отступление, но для семилетки сойдет.

Увы, мои проблемы только начинались. Отныне Джули Бейкер приходила каждый день. Снова и снова. Прячась за креслом, я слышал, как она пытается моих родителей: «А Брайс выйдет поиграть? Он еще не готов?» Однажды она даже прокралась через двор и заглянула в мое окно. В последний момент я заметил ее и успел спастись под кроватью, но этот случай как нельзя лучше характеризует Джули. Она понятия не имеет, что такое личное пространство. Не уважает желание других побыть в одиночестве. Ее мир – игровая площадка. Берегитесь – Джули едет с горки.

К счастью, папа встал на мою сторону. Он снова и снова защищал меня от нее: врал, что я занят, сплю или попросту ушел. Мой спаситель.

А вот сестра наоборот – при любом удобном случае саботировала мои попытки скрыться от Джули. В этом вся Линетта. Она на четыре года старше, и лучшего примера того, как жить не стоит, на свете нет. У нее словно на лбу написано: «Бёсите». Просто посмотрите на нее – даже не нужно строить рожи, достаточно посмотреть – и она тут же на вас кинется. Раньше мы ругались и даже дрались, но оно того не стоит. Девчонки не умеют честно драться – только и могут, что ущипнуть, вцепиться в волосы или пихнуть. А когда ты даешь сдачи, сразу бегут жаловаться маме. Тебя сажают под домашний арест, и ради чего? Нет, друг мой, на эту удочку я больше не клюну. Пусть цепляются, насмеваются, провоцируют. В конце концов они сдаются и находят других жертв.

По крайней мере, с Линеттой это работает. Хоть какой-то плюс в том, чтобы иметь такую сестру, – понимаешь, что тактика уклонения подходит и для остальных. Для учителей, при-

дурков в школе, даже для мамы с папой. Seriously. В споре с родителями ты все равно проигрываешь – так зачем мучиться? Лучше сразу залечь на дно, чем угодить под разрушительную волну родительской правоты. Что самое смешное – сама Линетта так этого и не поняла, она сразу же несется в наступление. Она невероятная скандалистка, вообще не способна поглубже вздохнуть и уступить. И еще меня тупым считает!

В ситуации с Джули Линетта не изменила себе и пару раз по-крупному подложила мне свинью. Однажды она провела Джули в дом. Они проскользнули мимо папы и пытались меня выследить, но я спрятался на верхней полке шкафа. К счастью, они не додумались туда заглянуть. Через несколько минут я услышал, как папа кричит на Джули, чтобы та слезла с нашей бесценной мебели. Ее снова выставили за дверь.

Кажется, на той неделе я вообще не выходил из дома. Я помогал распаковывать вещи, смотрел телик и слонялся по комнатам, пока мама с папой расставляли мебель, споря о том, смогут ли антикварный диван и французские столики в стиле рококо ужиться в одном помещении. Мне безумно хотелось на улицу, но стоило выглянуть в окно – и я видел Джули, разгуливающую по двору напротив. Она пинала футбольный мяч, высоко его подбрасывала или гоняла по дорожке. Когда ей надоедало красоваться, она садилась на бордюр, зажимала мяч между коленками и начинала паять на наш дом.

Мама не понимала, что ужасного в том, что «миленькая маленькая девочка» взяла меня за руку. Она считала, что мне стоит с ней подружиться:

– Дорогой, я думала, тебе нравится футбол. Почему бы тебе не пойти попинать мяч?

Потому что я не хотел, чтобы пинали меня, вот почему. В семь лет я еще не мог это сформулировать, но мне уже хватило ума сообразить, что Джули Бейкер опасна. И от этой опасности, как оказалось, не спрячешься. Едва войдя в класс миссис Йельсон, я понял, что мне конец.

– Брайс! – воскликнула Джули. – И ты здесь!

Она рванула через весь кабинет и повисла на мне.

Миссис Йельсон назвала это нападение приветственными объятиями, но какие же это объятия? Это убийственный захват! Я, конечно, освободился, но поздно: это уже был позор на всю жизнь. Надо мной ржали все: «Брайс, где твоя подруга?» «Что, Брайс, еще не женился?» Джули преследовала меня. Порой она даже пыталась меня целовать. И вся школа распевала: «Брайс и Джули на дереве сидят...».

Так что первый год в этом городке был просто катастрофой. Да и в третьем классе лучше не стало. Стоило мне обернуться – Джули тут как тут. В четвертом классе ничего не изменилось. А в пятом я начал действовать.

Я начал с малого – у меня появилась идея из разряда «придумал и забыл». Сначала она показалась мне ерундой, но чем больше я задавался вопросами: «Как отвадить Джули?» и «Как дать ей понять, что она не в моем вкусе?», тем лучше понимал, что план гениален. И вот, друг мой, я решился. Я начал встречаться с Шелли Столлс.

Чтобы вы оценили всю гениальность плана, поясню: Джули *ненавидит* Шелли. Она ее всегда терпеть не могла, не знаю почему. Шелли милая, дружелюбная, и у нее такие пышные волосы... Как ее не любить? Но Джули ее не выносила, и я собрался воспользоваться этим и решить свою проблему.

Я хотел, чтобы Шелли просто сидела со мной в столовой и, может, мы бы ходили вместе по школе. Джули постоянно ошивалась рядом, так что мне достаточно было бы держаться поближе к Шелли, и все бы разрешилось само собой. Но случилось иначе – Шелли все восприняла слишком серьезно. Она всем, включая Джули, разболтала, что мы с ней друг в друга безумно влюблены.

Вскоре Джули и Шелли сцепились, и пока Шелли отходила от драки, мой так называемый друг Гаррет Андерсен, который и помог мне придумать план, обо всем ей проболтался. Он это

отрицал, но я быстро понял: его кодекс чести трещит по швам, стоит какой-нибудь девчонке заплакать.

Дошло даже до директрисы. Она долго и упорно меня допрашивала, но без результата. Я твердил, что мне жаль, но я вообще не понимаю, что происходит. Наконец она меня отпустила. Ну а Шелли потом еще некоторое время плакала и ходила за мной по школе, всхлипывая. Я чувствовал себя полным кретином, даже хуже, чем из-за Джули. Все устаканилось через неделю, когда Шелли официально меня бросила и начала встречаться с Кайлом Ларсеном. Джули же по-прежнему смотрела на меня влюбленными глазами. Все вернулось к исходной точке.

В шестом классе все изменилось, но я бы не сказал, что в лучшую сторону. Не помню, насколько яростно Джули преследовала меня, но теперь она начала меня нюхать. Да, друг мой, ты не ослышался.

Виноват в этом мистер Мертинз, наш учитель. Из-за него она намертво ко мне прилипла. Он написал диссертацию об оптимальной рассадке людей в помещении или как-то так, поэтому тщательно продумал, как рассадить наш класс. Конечно же, Джули он подсунул мне.

Джули Бейкер – еще и из тех раздражающих людей, которым только дай повод блеснуть мозгами. Она всегда первая поднимает руку, вместо ответов выдает целые лекции, а проекты сдает раньше всех. Затем эти работы еще и демонстрируются как пример всему классу; учителя победоносно поднимают их над головой и говорят: «Вот! Такого я от вас и жду! Пять с плюсом!» Добавьте все ее лавры к отличным баллам, и говорю вам, ей бы с удовольствием ставили не пятерки, а десятки.

Конечно, после того как он посадил нас рядом, ее раздражающее всезнайство мне пригложилось. Ее блестящие ответы, написанные идеальным почерком, находились в поле моего зрения. Не перечислить, сколько всего я у нее скатал. Я получал пятерки и четверки по всем предметам! Вот это было круто! Но затем мистер Мертинз все испортил. У него возникли какие-то новые идеи по поводу «оптимизации индивидуальной широты и долготы», и вот Джули Бейкер оказалась за партой позади меня. Тогда она и начала меня нюхать: маниакально наклоняться и вдыхать запах моих волос. Она чуть ли не тыкалась носом мне в затылок! Я пытался спастись. Отодвигал стул насколько возможно и ставил рюкзак так, чтобы он защищал мою спину. Ничего не помогало. Она пододвигалась поближе или наклонялась сильнее и продолжала.

В конце концов я попросил мистера Мертинза пересадить меня, но он отказался: не хотел нарушать хрупкий баланс образовательной энергетики, или что он там изучал. Я застрял. Теперь я не мог у нее списывать, так что и моя успеваемость снизилась. Особенно сложно было с правописанием.

Однажды на контрольной Джули наклонилась, чтобы меня понюхать, случайно заглянула в мою тетрадь и увидела, что я неправильно написал слово, и не одно. Она перестала принюхиваться и начала шептать. Я поначалу не мог в это поверить. Джули Бейкер помогает мне жульничать? Но так и было – она нашептывала подсказки прямо мне в ухо. Она была хитрой – ее принюхиваний никто не замечал. Помогала она мне так же ловко, что было мне на руку. Но увы, вскоре я начал слишком полагаться на ее помощь. Зачем что-то учить, если есть тот, кто сделает все за тебя? Постепенно я начал чувствовать, что я у нее в долгу. Как можно просить кого-то перестать тебя нюхать и вообще отвалить, если ты этому человеку должен? Это как-то неправильно.

Мой шестой класс можно описать как что-то среднее между словами «дискомфорт» и «страдания», но я надеялся, что вот в следующем-то году все будет по-другому. Мы перейдем в среднюю школу и будем учиться в разных классах в большом здании. Появится так много новых знакомых, что мне будет не до Джули Бейкер.

Наконец-то моим мучениям придет конец.

Никогда не буду прежней

= Джулианна =

Мой мир перевернулся в день, когда я встретила Брайса Лоски. Серьезно – влюбилась с первого взгляда. Все дело в его глазах. Что-то в них есть. Голубые, обрамленные черными ресницами – просто невероятные. Дух захватывает!

Прошло уже больше шести лет, я давно научилась скрывать чувства, но вот в первые дни... да даже в первые годы! Эта влюбленность меня просто убивала.

Был конец лета, на носу второй класс. За два дня до начала учебного года все и случилось, хотя я сгорала от нетерпения уже несколько недель – с тех пор, как мама объявила, что в дом напротив переезжает семья с мальчиком моего возраста.

Я вернулась из футбольного лагеря и жутко скучала: в округе было вообще не с кем поиграть. Конечно, в районе жили другие дети, но все они были старше. С ними подружились мои братья, а мне оставалось только сидеть дома одной. Иногда мне составляла компанию мама, но у нее находились дела получше, чем пинать мяч, – так она и говорила. А я так любила играть в футбол! Это же в сто раз интереснее, чем стирать, мыть посуду и пылесосить! Хотя мама считала иначе. Оставаться с ней дома наедине было опасно – она вечно вербовала меня что-нибудь помыть, вытереть пыль или пропылесосить. А еще она ругалась, когда в перерыве между всей этой скукотой я гоняла мяч по дому.

Чтобы подстраховаться и не пропустить новых соседей, я выжидала на улице – вдруг они приедут раньше. Серьезно, я сидела в засаде несколько недель. Развлекала я себя игрой в футбол с нашим псом Чампом. Правда, в основном он гонялся за мячом, ведь собаки не очень хорошие нападающие или вратари, хотя иногда Чамп отбивал мяч носом. Видимо, Чампу не нравился запах мяча: пес то и дело вгрызался в него зубами, а потом тащил ко мне.

Вся семья обрадовалась, когда Лоски наконец приехали: «малышке Джулианне» теперь будет с кем поиграть. Но рассудительная мама не позволила мне побежать к ним сразу и заставила подождать целый час.

– Дай им хотя бы присесть с дороги, Джулианна, – упрашивала она. – Им нужно отдохнуть и освоиться.

Мне даже не разрешили понаблюдать за ними со двора.

– Я тебя знаю, дорогая. Совершенно случайно твой мяч окажется в их дворе, и тебе понадобится вернуть его.

Пришлось смотреть из окна. Каждую пару минут я спрашивала: «Можно?», а мама отвечала: «Подожди еще немного, ладно?»

Вдруг зазвонил телефон. Убедившись, что мама забыла про меня и увлеклась разговором, я потянула ее за рукав и попыталась снова:

– Можно?

Мама кивнула и прошептала:

– Ну хорошо, только води себя спокойно! Я подойду через минуту.

Хотелось скорее рвануть через дорогу, но я же хотела выглядеть воспитанной. Я спокойно пошла к соседскому грузовику. Как же это было сложно, ведь там был он! Мой новый лучший друг – Брайс Лоски! Он стоял без дела: наблюдал, как отец спускает коробки на подъемник. Помню, мне стало жалко мистера Лоски: он чуть не надорвался, переставляя их в одиночку. Еще помню, что они с Брайсом были в одинаковых бирюзовых футболках-поло. Мне они так понравились!

Я больше не могла сдерживаться. Я заглянула в грузовик и крикнула: «Привет!» Брайс аж подпрыгнул и начал делать вид, что очень занят коробками. Казалось, ему стало стыдно – он должен был помогать папе, но устал. Наверное, последние несколько дней он только и делал, что таскал вещи. Ему определенно нужна была передышка: выпить сока или еще что-нибудь в этом духе!

Но, видимо, мистер Лоски не собирался его отпускать. Он планировал таскать вещи до посинения, а к тому моменту Брайс упадет замертво. Умрет и даже не увидит новый дом! Мысль о столь трагичном исходе вынудила меня прошмыгнуть в машину. Я решила, что должна помочь! Я спасу его!

Я подошла к Брайсу и попыталась помочь ему подвинуть одну из коробок к краю. Бедняжка так смутился, что попятился, и мне пришлось все делать самой. Мистер Лоски не хотел, чтобы я помогала, зато я спасла Брайса: через три минуты отец отправил его в дом, к маме. Я побежала следом, и... вот тут-то все и перевернулось с ног на голову. Я догнала Брайса и схватила за руку. Я просто хотела предложить ему немного поиграть в футбол. Но в следующую секунду он уже сжимал мою ладонь и смотрел мне прямо в глаза.

Сердце замерло. Нет, правда, в жизни не чувствовала ничего подобного. Знаете, как будто мир движется вокруг меня, подо мной и внутри меня, а я парю в воздухе и в реальность возвращают только *его* глаза. Вы связаны взглядом, будто невидимой нитью, пока мир крутится, вертится и улетает от вас.

В тот день мог бы случиться мой первый поцелуй, я уверена. Но тут вышла мама Брайса. Он так засмутился, что мгновенно покраснел, а через пару минут уже спрятался от меня в ванной. Я ждала его в коридоре, и там меня заметила его сестра Линетта. Ух, она выглядела такой взрослой! Она поинтересовалась, что происходит, и я все ей рассказала. Наверное, не стоило – она сразу начала дергать за ручку в ванной и подначивать Брайса:

– Эй, малыш, открывай! Тебя горячая девчонка ждет! Ты что, испугался?

Ужас как неловко! Я потянула ее за руку и попросила не обижать Брайса, но она продолжала дурачиться. В конце концов, я просто ушла.

На улице я застала маму: она говорила с миссис Лоски и презентовала ей великолепнейший лимонный пирог, который испекла нам на десерт. Посыпка из сахарной пудры напоминала снежный сугроб, а сам пирог был все еще теплым и невероятно сладко пах. От одного взгляда слюнки текли! Но мама уже отдала его миссис Лоски, назад пути нет. Мне оставалось только наслаждаться ароматом, слушая, как взрослые обсуждают продуктовые магазины и прогноз погоды.

Мы с мамой вернулись домой. Все получилось не совсем так, как я хотела: мне не удалось поиграть с Брайсом. Я узнала только, что у него потрясающие голубые глаза и сестра, которой нельзя доверять. А еще он почти поцеловал меня. Я заснула с мыслями об этом поцелуе. Интересно, на что он был бы похож? Я догадывалась, что такие поцелуи отличаются от тех, что дарят мне перед сном мама и папа. Может, есть лишь отдаленное сходство. Это как у волка и гончей – биологический вид один, но сами звери разные.

Когда я вспоминаю второй класс, мне хочется думать, что я так охотилась за этим поцелуем из научного любопытства. Но будем честны: дело было скорее в глазах Брайса. И вот, весь второй и третий класс я ходила за ним по пятам, садилась с ним и не давала ему покоя. Только к четвертому классу я с собой справилась. Один вид Брайса – да что там, одна мысль о нем – заставлял сердце биться чаще, но я перестала его преследовать. Я лишь наблюдала, думала и мечтала.

В пятом классе на моем пути появилась Шелли Столлс. Та еще пустышка: неженка, плакса, да еще сплетница, которая в лицо говорит одно, а за спиной – другое. В средней школе она превратилась в форменную королеву сцены, но даже в началке ей не составляло труда разыграть любой спектакль. Особенно на физкультуре: ни разу не видела, чтобы Шелли бегала

кросс или занималась гимнастикой. Вместо этого она ныла, что не выдержит и развалится, стоит ей сделать растяжку. И ведь срабатывало! Из раза в раз! Она приносила какие-то справки, демонстративно падала в обморок, и ее сразу освобождали от любых нагрузок. В конце дня она даже не поднимала за собой стул. Единственные мышцы, которые она регулярно тренировала, – те, что отвечают за речь. Если бы проводились Олимпийские игры по болтовне, Шелли Столлс заняла бы там первое место, а заодно и второе – одно за верхнюю губу, второе – за нижнюю.

Но меня ее освобождение от физкультуры не смущало – кому она вообще нужна в команде? Меня бесила причина, по которой она так избегала спорта. Это не астма или, там, больная спина. Все из-за прически! У нее были немыслимо густые длинные волосы, которые она то закалывала, то заплетала в косы, то собирала в пучки, то украшала лентами. А хвост какой получался! А распущенные волосы лежали такой густой копной, что было видно только нос. Да, с такой в квадрат² не поиграешь!

Я старалась не обращать на Шелли внимания, что отлично получалось до одного дня в середине пятого класса. Именно тогда я увидела, как они с Брайсом держатся за руки! С моим Брайсом! С тем самым, который так смутился, впервые взяв за руку меня, и который потом боялся даже поздороваться со мной. А ведь это *мне* он задолжал первый поцелуй! Как Шелли могла сцапать его? Эта лохматая принцесска не имеет на Брайса никакого права!

Они всюду разгуливали вместе, и Брайс то и дело поглядывал на меня. Сначала я подумала, что он так извиняется, но наконец поняла: ему нужна помощь! Ну конечно же! Шелли Столлс слишком хрупкая и нежная, ее просто так не отошьешь. Она сразу заревет, а ему будет неловко. Нет, парни не умеют расставаться изящно. Это работа для девчонки.

Раз желающих кроме меня не было, я не колебалась ни секунды – однажды подошла к ним и отпихнула Шелли от Брайса. Он удрал сразу же, как только освободился из ее хватки, а вот наша принцесса... не дождетесь. Она яростно двинулась ко мне, хватая все, что попадалось под руку, и твердя, что Брайс – ее и что отпускать она его не намерена. Вот вам и неженка. Как же я хотела, чтобы рядом оказались учителя и увидели настоящую Шелли Столлс, но они примчались поздно – когда я уже выдернула ей клочок волос, заломала руку и не отпускала, несмотря на все визги и попытки вырваться. В итоге Шелли отпустили домой с испорченной прической, а мне пришлось объяснять директрисе свое поведение. Миссис Шульц из тех женщин, которые считают волшебный пинок порой оправданным и необходимым, но, разумеется, она посоветовала мне меньше лезть в чужие проблемы. И все же моя история ее вполне убедила. Она даже похвалила меня за то, что я сумела удержаться и не покалечить Шелли.

На следующий день мисс Совершенство пришла в школу с косичками и принялась сплетничать со всеми обо мне, но я плевала на это. Факты говорили сами за себя. До конца года Брайс ни разу и близко не подошел к Шелли. Со мной он, конечно, тоже не начал ходить за руку, но стал заметно дружелюбнее. Особенно в шестом классе, когда мистер Мертинз посадил нас рядом.

Мне нравилось сидеть с Брайсом. Мне нравился он. Каждое утро он говорил мне: «Привет, Джули», и я время от времени ловила его взгляд. Он сразу краснел и утыкался в учебники, а я не могла не улыбнуться в ответ. Он такой застенчивый. И такой милый!

Еще мы стали больше разговаривать, особенно после того как Брайса пересадили за парту прямо передо мной. У мистера Мертинза целая система штрафов за орфографические ошибки, и если из двадцати пяти слов семь написаны неверно, вы обречены провести обед в его кабине, заучивая их правильное написание. Брайс жутко боялся этого наказания. Мне было его так жалко, что я наклонялась к нему и шептала подсказки. Его волосы пахли арбузом, а на

² «Квадрат» – игра с мячом для 4 игроков. Игровое поле представляет собой начерченный на земле или асфальте квадрат произвольного размера, разделенный на четыре меньших квадрата, для каждого игрока.

мочках ушей был легкий светлый пушок. Как такое может быть у парня с темными волосами? Зачем он ему вообще? Я внимательно рассмотрела в зеркало свои уши и проверила уши других ребят – у них такого не было. Я даже собиралась спросить об этом мистера Мертинза, когда мы обсуждали эволюцию, но передумала. Вместо этого я провела целый год, нашептывая Брайсу слова по буквам, вдыхая арбузный аромат и гадая, получу ли когда-нибудь свой заветный поцелуй.

Берегись, приятель!

= Брайс =

Седьмой класс стал годом перемен, хотя самое большое потрясение случилось не в школе, а дома: к нам переехал дедушка Дункан. Это было странно, ведь мы его практически не знали, никто, кроме мамы, конечно. Хотя последние полтора года она бесконечно уверяла нас, что он прекрасный человек, пока я понял одно: больше всего на свете он любит смотреть в окно. Глядеть там особо не на что – если только на двор Бейкеров. Но дедушка сидит у окна днями и ночами – в кресле-качалке, переехавшем вместе с ним. Ладно, еще он читает романы Тома Клэнси³ и газеты, разгадывает кроссворды и отслеживает динамику своих акций, но это все мелочи. Если бы его никто не заставлял делать хоть что-нибудь, он так бы и сидел, пялясь в окно, а потом бы засыпал. Вроде ничего такого, но это же скучно! Мама говорит, он просто скучает по бабушке, но мы это никогда не обсуждали. Дедушка со мной вообще почти не разговаривал до тех пор, пока несколько месяцев назад не прочитал в газете о Джули.

На первую полосу «Мэйфилд Таймс» она попала не потому, что своей гениальностью в школе потеснила Эйнштейна, как можно было бы подумать. Нет, друг мой, она просто отказалась слезать с платана.

Я сам бы не отличил платан от клена или даже от березы, но Джули, конечно, знала породу дерева и передавала это сакральное знание всем подряд.

Платан рос на холме на пустом участке Кольер-стрит и был просто громадным. Громадным и уродливым – весь скрученный, корявый. Я все надеялся, что его снесет ураган.

В прошлом году мне окончательно надоела ее болтовня о глупом дереве. Я заявил, что давно не видел ничего уродливее нашего платана. И знаете, что она ответила? Что у меня нет чувства прекрасного. У меня! И это я слышу от девчонки, чей дом портит весь вид нашего района! У них кусты закрывают окна, сорняки по всему двору и всюду снуют животные: собаки, кошки, куры, даже змеи. Клянусь, у ее братьев в комнате живет удав. Они меня туда затащили, когда мне было лет десять, и заставили смотреть, как он поедает мышь. Маленькую мышку с глазками-бусинками. Они держали беднягу за хвост, а удав хват – и проглотил ее целиком. Мне потом несколько месяцев кошмары снились.

Обычно чужие дворы меня мало волнуют, но двор Бейкеров раздражал папу, и он отыгрывался на нашем. Он считает святым соседским долгом показать на примере, как именно должен выглядеть приличный участок. Так что пока Майк и Мэтт откармливают удава, я кошу газон, подстригаю ограду, подметаю дорожки. Это, по-моему, чересчур.

По-хорошему, двором должен заниматься отец Джули. Он большой и сильный, работает каменщиком, но ему не до бытовой ерунды. Мама говорит, что все свободное время он рисует. По-моему, в его пейзажах ничего особенного, но судя по тому, какую он заламывает цену, я чего-то не понимаю. Он каждый год выставляет их на Мэйфилдской ярмарке, и родители вечно ворчат одно и то же: «Мир стал бы красивее, если бы он *просто* привел, наконец, двор в порядок».

Моя мама и мама Джули иногда общаются. Думаю, маме жаль миссис Бейкер – она говорит, что та вышла замуж за мечтателя, а в таких браках кто-то всегда несчастен. Сложно сказать. Может, на Джули так повлиял отец, и она тут совершенно ни при чем, но она считала платан божьим даром нашему маленькому клочку земли.

³ Том Клэнси (англ. Tom Clancy) – американский писатель. Работал в жанре политического триллера. Автор популярных книг, в том числе о временах холодной войны («Охота за “Красным Октябрем”», «Игры патриотов», «Все страхи мира» и др.).

В третьем и четвертом классе они с братьями вечно болтались вокруг дерева: залезали на нижние ветки или отпиливали куски коры, чтобы удобнее было съезжать по стволу как с горки. Они играли там всякий раз, когда мы с семьей куда-то ехали на машине. Джули вечно висела вверх тормашками; еще чуть-чуть – и она бы упала и переломала кости. Когда мы стояли на светофоре, мама качала головой: «Не смей залезать на это дерево, Брайс. Ты меня понял? Чтобы я тебя там не видела! И тебя, Линетта. Это опасно». Сестра закатывала глаза, бурча: «Очень надо», а я пригибался, чтобы Джули не заметила меня и не начала звать.

Один раз я все-таки пытался залезть на платан – в пятом классе, на следующий день после того, как Джули спасла моего воздушного змея из могучих лап этого пожирателя игрушек. Она забралась чуть ли не на километр, чтобы его достать, но когда спустилась, совсем не выглядела испуганной. Она не забрала змея себе и не начала хвастаться, чего я боялся. Она вручила его мне и отступила.

Я обрадовался, но одновременно почувствовал себя слабаком. Я-то решил, что змея уже не спасти, а Джули справилась играючи. Позор. Я прикинул, насколько высоко она вскарабкалась, и на следующий день попытался побить ее рекорд, хотя бы на пару веток. Я все лез и лез и решил проверить, как высоко забрался. Я посмотрел вниз. Зря. Я почувствовал себя на крыше Эмпайр-стейт-билдинг⁴ без страховки. Я посмотрел вверх, пытался вспомнить, где был мой змей, но бесполезно. Я и правда слабак, и мне не дано лазить по деревьям.

В средней школе мои мечты о свободе от Джули рассыпались в прах. Настала эра автобуса, и сами-знаете-кто тоже там ездил. На остановке были и другие ребята, но их присутствие не спасало. Джули всегда пыталась встать рядом, заговорить или еще как-то меня достать. А потом она начала залезать на дерево. В седьмом классе, а все еще не успокоилась! Думаете, зачем? Чтобы выкрикивать нам сверху, что автобус в пяти! Четырех! Трех кварталах от нас! Подробнейший обзор ситуации на дороге – все просто мечтают о нем с утра пораньше.

Она пыталась и меня заманить на дерево.

– Давай, Брайс! Здесь такие цвета, ты не поверишь! Это удивительно! Брайс, ты должен посмотреть!

Ага, я уже слышал, как одноклассники напевают «Брайс и Джули на дереве сидят...». Интересно, отпустят ли меня когда-нибудь воспоминания о втором классе?

Однажды утром я стоял под деревом и специально не смотрел вверх, как вдруг она появилась из ниоткуда – свесилась с ветки и чуть не сбила меня с ног. У меня сердце упало! Я уронил рюкзак и едва не свернул шею. Все, больше я под дерево ни ногой, а то опять попаду под удар макаки-маньячки. С тех пор я выходил из дома в последнюю минуту. Я дожидался, пока не покажется автобус, выбегал и успевал прямо к его прибытию. Подальше от Джули – подальше от проблем. И это, друг мой, спасало меня весь остаток седьмого класса и большую часть восьмого.

Пару месяцев назад, в одно вполне обычное утро, я услышал со стороны дерева шум. Оказалось, около автобусной остановки на Кольер-стрит припарковались несколько грузовиков. Какие-то мужчины что-то сердито кричали Джули, которая, как обычно, забралась на самый верх платана. На остановке постепенно собиралась толпа. Ребята уговаривали Джули спуститься. Ей и там хорошо – это было ясно, если ты не глухой. Ну и в чем проблема?

Я подошел к остановке, увидел, *что* в руках у мужчин, и понял, почему Джули отказывалась слезать. Бензопилы. Поймите меня правильно – дерево выглядело как жуткий ветвистый мутант, а рабочие связались с Джули, самой надоедливой и наглой девчонкой в мире. Но я похолодел. Джули любила это дерево. Как бы глупо это ни было, она его любила, и, спилив его, они разобьют ей сердце.

⁴ Эмпайр-стейт-билдинг (англ. Empire State Building) – 102-этажный небоскреб. Расположен в Нью Йорке, на острове Манхэттен.

Все пытались уговорить ее спуститься, даже я. Но она заявила, что в жизни не слезет, и, наоборот, попыталась упротить нас залезть к ней:

– Брайс, пожалуйста! Иди сюда! Они не спилят дерево, если мы все на него залезем!

Я чуть было не согласился, но тут приехал автобус, и я спасовал. Это не мое дерево. Это и не ее дерево, как бы она себя ни вела. Мы сели в автобус, а Джули осталась на верхушке платана. День прошел тоскливо. Я не мог перестать думать об этой сумасшедшей. Она до сих пор там сидит? Ее арестуют?

Когда после школы мы вышли из автобуса на Кольер-стрит, Джули там уже не было. Она не смогла защитить дерево: самые верхние ветки, где застрял мой змей и где Джули больше всего любила сидеть, уже спилили. Мы немного понаблюдали за рабочими. Пилы раз за разом вгрызались в древесину, щепки летели во все стороны. Платан выглядел изувеченным и голым. Я словно смотрел, как расчленяют труп, и едва ли не впервые за всю жизнь чуть не заплакал, представляете? Из-за дурацкого дерева, которое я ненавидел. Я не выдержал, пошел домой и попытался отвлечься, но не смог. Может, утром нужно было залезть к Джули? Помогло бы это хоть как-то? Еще я думал позвонить ей и сказать, что мне жаль, но не решился. Это было бы... странно, что ли?

На следующее утро Джули не пришла на остановку и после школы тоже не поехала на автобусе. А вечером, перед ужином, меня позвал дедушка. Он не обратился ко мне лично, видимо, посчитал, что это слишком фамильярно. Вместо этого он попросил маму сказать, что он хочет со мной пообщаться.

– Не знаю о чем, милый, – призналась мама. – Может, хочет узнать тебя получше?

Здорово. Прошло полтора года, а он решил узнать меня получше только теперь. Но отказаться я не мог.

Мой дедушка крупный, у него большой нос и зачесанные назад волосы с проседью. Он все время ходит в тапочках и кофте от спортивного костюма, и я никогда не видел у него и намека на щетину – он бреется, кажется, трижды в день. Это у него вроде как еще один любимый досуг. Руки у него тоже большие. Это особенно заметно из-за обручального кольца: оно словно вросло в кожу. Мама говорит, его не нужно снимать, но если вдруг понадобится, кольцо придется распиливать. Еще несколько килограммов – и оно врежется в палец.

Когда я зашел в комнату, дедушкины руки покоились на газете, сложенной на коленях. Я позвал его:

– Дедушка? Ты хотел меня видеть?

– Садись, сынок.

Сынок? То он притворяется, что меня не существует, то называет «сынок»? Я сел на стул напротив и стал ждать.

– Расскажи о твоей подруге, Джули Бейкер.

– Джули? Никакая она мне не подруга!

– Да? А почему? – Он спросил так спокойно, будто заранее знал ответ.

Я начал объяснять, но затем остановился и задумался:

– А почему ты спрашиваешь?

Он открыл газету, и я увидел, кто на первой полосе. Редактор поместил туда огромную фотографию Джули на дереве, в окружении спасателей и полицейских, и еще несколько небольших кадров, которые я не разглядел.

– Можно посмотреть?

Он поднял газету:

– Почему ты с ней не дружишь, Брайс?

– Потому что она... – я покачал головой, – ты ее просто не знаешь.

– С удовольствием бы познакомился.

– Что? Почему?

– У девочки железная воля. Может, как-нибудь пригласишь ее к нам?

– Железная воля? Дедушка, ты не понимаешь. Она настоящая заноза в одном месте.

Выскочка, всезнайка и кошмар какая бесцеремонная.

– Хм, вот как?

– Да! Именно! Она меня преследует со второго класса!

Он нахмурился, выглянул в окно и спросил:

– Они живут здесь так давно?

– Мне кажется, они все живут тут с рождения!

Он еще сильнее нахмурился, потом посмотрел на меня и произнес:

– Знаешь, не всем достаются такие соседки.

– Счастливчики!

Дедушка долго, изучающе на меня смотрел. Я спросил:

– Что?

Он молча продолжал смотреть. Я не выдержал и отвел взгляд.

Напоминаю, что это был мой первый полноценный разговор с дедушкой. Его первая попытка пообщаться со мной, а не только попросить передать соль. Хотел ли он узнать меня поближе? Нет! Его интересовала Джули! Просто встать и уйти я не мог, но очень хотел. Я знал, что, если сбегу, он больше вообще никогда не заговорит со мной, даже про соль. И я сидел, чувствуя себя как на допросе. Он что, злится на меня? И за что? Я же ничего не сделал!

Я поднял глаза. Он протянул мне газету:

– Вот, прочитай. Только беспристрастно.

Я взял газету. Он отвернулся к окну, и я понял, что могу уходить.

Я пошел к себе. Я был в бешенстве. Хлопнув дверью спальни, я плюхнулся на кровать, немного посокрушался из-за глупого разговора, а потом кинул газету в нижний ящик письменного стола. Как будто я без этой статьи недостаточно знал Джули Бейкер.

За ужином мама допытывалась, чего это я такой угрюмый, и переводила взгляд с меня на дедушку. Соль ему сегодня не понадобилась. Это хорошо – я мог не удержаться и кинуть в него солонку. Папа и Линетта, как обычно, были слишком заняты. Линетта сперва выбирала изюминки из морковного салата, а затем снимала с куриного крылышка кожицу, а заодно и мясо. Папа ругал политику своей компании. Его никто не слушал, как и всегда, когда он разглагольствовал на тему «если бы я был боссом», но на этот раз мама даже не притворялась, что ей интересно. И не пыталась убедить Линетту, что ужин вкусный. Она не отрывалась от нас с дедушкой, пытаясь понять, почему мы друг на друга дуемся.

Он-то чего нахохлился? Что я ему сделал? Ничего. Ничегошеньки. Но он явно злился. Я старался не смотреть на него, но в середине ужина мы все-таки встретились взглядами. Он изучающе смотрел на меня – не озлобленно, но твердо. Мне стало не по себе. Что это значит? Я снова отвел взгляд. На маму я тоже старался не смотреть. Я продолжил есть и делал вид, что слушаю папу. При первой же возможности я извинился и скрылся в своей комнате.

Я собирался позвонить Гаррету – как и всегда, когда меня что-то беспокоит. Я уже даже набрал его номер, но почему-то повесил трубку.

Мама позже заходила ко мне, но я притворился, что сплю. Сто лет так не делал, но я хотел, чтобы меня оставили в покое. Ночь прошла так же беспокойно.

Утром Джули не было на остановке, в пятницу тоже. В школу она ходила, но вы бы ее не заметили, если бы специально не искали. Она не вскидывала в воздух руку на уроках, не шаталась по коридорам на переменах, не давала непрошенных комментариев к репликам учителей, не отчитывала учеников, пытавшихся влезть в очередь в столовой. Она просто присутствовала. Тише воды, ниже травы.

Я уговаривал себя радоваться этому – ее будто вообще не существовало, разве не этого я всегда хотел? Но мне было не по себе. Из-за дерева, из-за того, что она уходила в библиотеку,

чтобы пообедать в одиночестве, и из-за заплаканных глаз. Я хотел подойти и посочувствовать, но так и не нашел слов.

К середине следующей недели дерево уничтожили. Участок очистили, даже попытались выкорчевать пень, но не смогли сдвинуть с места и в итоге решили выжечь. На остановке Джули упорно не появлялась. К концу недели я узнал от Гаррета, что она теперь ездит в школу на велосипеде. Он уже дважды на этой неделе видел, как она посреди пути чинит цепь на своей развалюхе.

Я решил, что она так недолго продержится: до школы ехать довольно далеко, и когда она забудет про дерево, то снова пересядет на автобус. Как-то я даже осознал, что ищу ее взглядом. Ну, не то чтобы ищу – но поглядываю по сторонам. В один дождливый день я решил, что сегодня она точно придет на остановку, но Гаррет снова ее видел – она ехала на велосипеде в ярко-желтом дождевике. На математике я заметил, что ее брюки ниже колен промокли насквозь.

После уроков я даже хотел догнать ее и посоветовать пересест на автобус, но в последний момент остановился. О чем я только думал? Джули же истолкует дружескую заботу неправильно! Нет, приятель, берегись! Оставь все как было.

Меньше всего я хочу, чтобы Джули Бейкер думала, что я скучаю по ней.

Платан

= Джулианна =

Люблю смотреть, как папа рисует. И слушать его, когда он рисует. В моменты, когда он слой за слоем наносит мазки на пейзаж, его речь звучит мягко, но с тяжелыми нотками. Это не грусть – скорее, усталость и умиротворение.

У папы нет студии, а гараж полон вещей, которые лежат без дела, но когда-нибудь обязательно понадобятся. Так что рисует папа на улице. Говорят, творить на природе лучше всего, но с нашим двором это не работает. Папа решает проблему так – всюду берет с собой камеру. Он каменщик и по работе часто куда-нибудь ездит на своем пикапе. Он всегда начеку, когда видит прекрасный рассвет, или закат, или просто красивое поле с пасущимися овцами или коровами. Затем он прикрепляет снимок к мольберту и рисует. Получается классно, но мне всегда было немного жалко папу из-за того, что ему приходится рисовать на нашем заднем дворе. Не самое живописное место. А когда я начала разводить там кур, стало еще хуже. Хотя за работой папа не замечает ни двор, ни кур, ни даже снимки. Он видит что-то большее. У него такой взгляд, словно мыслями он далеко. Он держит в большой мозолистой руке тоненькую кисточку и рисует, и кажется, что им управляют сверхъестественные силы.

В детстве папа разрешал мне садиться рядом и наблюдать, при условии, что я буду вести себя тихо. Мне тяжело давалось долгое молчание, но через пять-десять минут тишины папа сам начинал говорить. Благодаря этим посиделкам я многое о нем узнала. Он рассказывал о разном: о том, что делал в моем возрасте, и как доставлял сено на своей первой работе, и как жалеет, что не окончил колледж.

Когда я стала постарше, он по-прежнему много рассказывал о себе, но начал расспрашивать и меня. Что мы изучали в школе? Что я сейчас читаю? Что я думаю о том или о сем? Один раз он удивил меня: спросил, почему я без ума от Брайса. Я рассказала о его глазах, и волосах, и о том, как у него на щеках появляется румянец, но, кажется, объяснила как-то неправильно: когда я закончила, папа покачал головой и мягко, но убедительно посоветовал рассмотреть всю картину целиком. Не совсем поняла, что он имеет в виду, но мне захотелось поспорить. Да что он знает о Брайсе? Вообще ничего! Но здесь нельзя было ругаться. В доме можно, но не здесь. Мы долго молчали. Потом папа поцеловал меня в лоб и сказал:

– Правильная светотень – самое важное, Джулианна.

Правильная светотень? О чем это он? Мне было очень интересно, но я побоялась, что если спрошу, тем самым покажу, что я не такая уж и взрослая. Он произнес это как что-то очевидное. Как будто я не могу не понять.

После этого он редко говорил о чем-то конкретном. Чем старше я становилась, тем больше он философствовал. Интересно, правда ли он начал мыслить глубже или счел, что я уже могу это воспринимать, раз мой возраст из цифры превратился в число. Обычно его размышления влетали мне в одно ухо и вылетали через другое, но порой что-то цепляло, и я понимала в точности, что папа имел в виду. Он говорил: «Картина – не просто сумма частей», а затем объяснял, что корова сама по себе – просто корова, луг – просто трава и цветы, а солнце, пробивающееся сквозь ветки, – лишь луч света, но соедини их – и получится волшебство. Я поняла его слова, но вот прочувствовать не могла. До дня, когда забралась на платан.

Он рос на пустом, никому не нужном холме целую вечность. Летом развесистая крона спасала от солнца, а весной в листве вили гнезда птицы. С него можно было кататься как с горки – ствол закручивался спиралью. Мама говорила, что ствол деформировался очень давно,

но платан выжил. Теперь, едва ли не сто лет спустя, он все еще здесь. Самое большое дерево из тех, что она когда-либо видела. Мама называет его «воплощением жизнестойкости».

Я часто играла рядом с деревом, иногда залезала на него, но так высоко забралась только в пятом классе. Я полезла доставать воздушного змея, застрявшего в ветках. Я заметила, как этот змей сначала парил в воздухе, а потом спикировал где-то в районе холма. Я тоже запустила таких и знала: иногда они безвозвратно пропадают, а иногда преспокойно лежат посреди дороги и ждут хозяина. Воздушные змеи бывают двух видов – везунчики и упрямы. У меня были и те, и другие, и везунчиков определенно стоит догонять.

Тот змей показался мне везунчиком. Дело не в красоте – обыкновенный старомодный змей в форме ромба, в голубую и желтую полоску. Но он так дружелюбно покачивался, пока летел, что когда он упал, казалось, это от усталости, а не из вредности. Упрямы падают из вредности. Они никогда не устают, потому что не так много времени проводят в воздухе. На высоте метров десять они словно ухмыляются, а затем пикируют забавы ради.

Мы с Чампом побежали в сторону Кольер-стрит, и когда мы обыскали улицу, Чамп начал лаять на платан. Я подняла голову и тоже увидела яркие голубые и желтые полосы, проглядывающие сквозь ветки. Высоко, но попытка не пытка. Я вскарабкалась по импровизированной «горке» и полезла по стволу. Чамп приглядывал за мной, подбадривал лаем, и вскоре я была так высоко, как никогда еще не забиралась. Но змей все равно казался бесконечно далеко.

Я посмотрела вниз и увидела приближающегося Брайса. Он направлялся в сторону платана. По тому, как он высматривал что-то наверху, я поняла, что это его змей. Какой же этот змей везунчик!

Брайс воскликнул:

– Ты что, умеешь забираться так высоко?

– Конечно! – крикнула я и полезла все выше, выше и выше!

Ветки были крепкие и пересекались так, что лезть по ним было очень легко. Чем выше я забиралась, тем больше поражалась открывавшемуся виду. Невероятно! Я будто летела на самолете, поднявшись над крышами домов и кронами других деревьев. Над целым миром! Я посмотрела вниз. На Брайса. Внезапно у меня закружилась голова и в ногах появилась слабость. Я словно поднялась на много километров от земли! Брайс закричал:

– Ты можешь его достать?

Я задержала дыхание и попыталась успокоиться.

– Да без проблем!

Я заставила себя сосредоточиться на полосках и видеть только их. Выше, выше! Наконец я дотронулась до змея и схватила его! Но веревка запуталась в ветках. Распутать было бы сложновато. Брайс закричал, чтобы я оторвала ее. Это мне удалось.

Змея я освободила, но нужно было перевести дух перед спуском. Я не стала смотреть вниз, а вместо этого устремила взгляд вперед, вверх крыш. Страх отступил, его место заняло удивительное чувство полета. Будто я парю над землей, порхаю среди облаков. А как удивительно пах воздух... солнечным светом! Светом, дикими травами, гранатом и дождем! Я не могла надышаться. Снова и снова наполняла легкие этим воздухом, самым сладким в мире.

К реальности меня вернул Брайс:

– Ты что, застряла?

Я аккуратно спустилась, держа змея в руке. По пути вниз я заметила, что Брайс наблюдает за мной с тревогой. На земле головокружительное чувство от покорения вершины дерева сменилось пьянящим пониманием того, что мы наедине. Наедине!

Когда я протянула ему змея, сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Но прежде чем Брайс успел взять своего везунчика, сзади ко мне подбежал Чамп, подтолкнул меня, и я кожей почувствовала его мокрый холодный нос. Кожей?! Понятно, я разодрала джинсы. На попе. *Очень*

сильно. Брайс нервно засмеялся, и я поняла, что он тоже все видел. Впервые покраснела как помидор я, а не он.

Он взял змея и убежал. Я осталась оценивать ущерб. Смущение быстро прошло, но чувство, испытанное наверху, так и не поблекло. Я вспоминала о нем. Я снова и снова хотела забраться высоко-высоко на этот платан.

Вскоре я окончательно поборолa страх высоты и выбрала себе место на одной из веток. Я сидела там, на вершине мира, часами, любуясь закатами – то багровыми, то розовыми, то рыжими, словно бесконечный пожар по всему горизонту. В один из таких дней я и поняла слова папы, что целое – больше, чем сумма частей. Нет, не так – я почувствовала это сердцем. Вид с моего платана – больше, чем просто крыши, облака и палитра цветов. Это живое волшебство. Это когда ты ощущаешь одновременно смирение и величие. Как так? Как в нас могут сосуществовать спокойствие и восхищение? Как простое дерево может разбудить такую гамму эмоций? Там, наверху, я чувствовала, что живу.

Я забиралась на дерево при первой же возможности. В средней школе это удавалось почти каждый день: остановка школьного автобуса была прямо рядом с платаном. Сначала я просто проверяла, как высоко могу забраться, пока не приедет автобус, но вскоре стала выходить из дома раньше, чтобы посидеть на своей ветке и увидеть, как восходит солнце, щебечут птицы или как одноклассники собираются на остановке. Я пыталась позвать наверх и их, предлагала залезть хотя бы невысоко, но ребята боялись испачкаться. И из-за этого они отказывались от волшебства? Не понимаю.

Я никогда не рассказывала маме о дереве. Она рассудительная и точно бы посчитала, что это опасно. Братья есть братья – им все равно. Оставался папа – единственный, кто бы меня понял. Но и с ним я делиться боялась: вдруг он расскажет маме и они мне запретят? Так что я помалкивала, продолжала лазать на дерево и одиноко любоваться бескрайним миром внизу.

Спустя несколько месяцев я осознала, что разговариваю с деревом. Веду полноценный диалог! Я спустилась, чуть не плача. Почему мне не с кем поговорить? Почему у меня нет лучшего друга, как у остальных? Конечно, я общалась с ребятами в школе, но ни с кем так и не сблизилась. Им было бы неинтересно сидеть со мной на дереве и вдыхать запах солнечного света.

Вечером, после ужина, папа ушел во двор рисовать. В прохладных сумерках, устроившись на крыльце в свете фонаря, он наносил финальные штрихи на закатанный пейзаж, над которым в последнее время работал. Я взяла куртку и вышла посидеть с ним. Я вела себя тихо как мышка. Через пару минут он спросил:

– О чем думаешь, солнышко?

Мы сидели так уже много раз, но ничего подобного он никогда не спрашивал. Я посмотрела на него и промолчала. Он смешал два оттенка оранжевого и мягко попросил:

– Поговори со мной.

Я так тяжело вздохнула, что сама удивилась, и пробормотала:

– Я поняла, почему ты сюда выходишь.

– А не могла бы ты теперь объяснить это маме? – пошутил он.

– Серьезно, пап. Я поняла, почему целое – больше, чем сумма частей.

Он перестал смешивать краски:

– Правда? Как ты это поняла? Расскажи!

Я рассказала ему про платан: про виды, звуки, цвета, ветер. Что сидеть так высоко – словно чувствовать, что летишь. Про волшебство. Он не перебивал меня, и, закончив, я посмотрела на него и спросила:

– Заберешься туда со мной?

Он долго размышлял. В конце концов он улыбнулся:

– Староват я уже, но рискнуть стоит. Может, в выходные, когда будет солнечно?

– Здорово!

Я пошла в кровать в таком радостном возбуждении, что за всю ночь спала, кажется, минут пять. До субботы рукой подать. Не могу дождаться!

Утром я побежала к остановке ни свет ни заря и забралась на дерево. Мне удалось поймать рассвет, пробивающийся сквозь облака и обнимающий целый мир, а я была в центре этого мира. Я подмечала то, что обязательно стоит показать папе, как вдруг на дороге раздался шум.

Я посмотрела вниз. Неподалеку припарковались два больших грузовика. У одного был длинный пустой прицеп, у второго – подъемник. Такие обычно используют при работе с линиями электропередач или телефонными столбами.

Рядом с грузовиками стояли четверо мужчин, разговаривали и пили что-то из термосов. Я хотела крикнуть им: «Извините, но здесь нельзя парковаться. Это автобусная остановка!» Но тут один подошел к машине и начал доставать инструменты. Перчатки. Веревки. Цепь. Наушники. И целых три бензопилы.

Я все еще не осознавала. Я оглядывалась в поисках того, что они хотят спилить. Один из одноклассников пришел на остановку и заговорил с ними. Он указал на меня. Кто-то из мужчин крикнул:

– Эй! Ну-ка слезай. Мы должны спилить его.

От дурноты я чуть не упала, крепче вцепилась в ветку и выдавила:

– Дерево?..

– Да. Слезай давай!

– Кто разрешил вам спилить его?

– Владелец! – крикнул мужчина.

– Но почему?

Даже с такой высоты я увидела, как он нахмурился:

– Он собирается строить здесь дом, а дерево мешает. Так что слезай, девочка, нам нужно работать.

К тому моменту почти все ребята собрались на остановке. Мне они ничего не сказали, только смотрели на меня и переговаривались. Затем пришел Брайс. Значит, автобус скоро приедет. Я посмотрела на дорогу – вон он, в четырех кварталах отсюда.

Я была в панике и не знала, что делать. Я не могла позволить им уничтожить *мое* дерево. Я закричала:

– Но вы не можете спилить его! Не можете!

Один из мужчин покачал головой:

– Я сейчас вызову полицию. Ты незаконно находишься на этом участке и препятствуешь проведению работ. Или ты слезаешь, или мы повалим дерево вместе с тобой.

Автобус был уже в трех кварталах. Школу без уважительной причины я не пропускала ни разу в жизни, но поняла: сегодня, похоже, придется.

– Значит, спиливайте со мной! – завопила я. У меня появилась идея. Они не посмеют, если мы все сюда залезем. Тогда-то они послушают! Я позвала одноклассников: – Эй, ребята! Залезайте! Они его не спилят вместе со всеми нами! Марсия! Тони! Брайс! Ребята, давайте! Мы им этого не позволим!

Но они так и стояли, уставившись на меня. Автобус уже проезжал соседний квартал.

– Ну же! Ребята! Не обязательно залезать так высоко, можно совсем чуть-чуть. Пожа-луйста!

Показался автобус. Он остановился около грузовиков, и когда двери открылись, мои одноклассники один за другим скрылись в нем.

Дальше я все помню смутно. Вроде под деревом собрались соседи и полицейские с громкоговорителями. Приехали пожарные и какой-то мужчина, кричавший, что это его чертово

дерево и лучше бы мне, наконец, слезть. Кто-то привел мою маму. Она плакала, умоляла и вообще вела себя нерассудительно, но я не слезала. Ни за что.

Примчался папа. Он выскочил из пикапа, поговорил с мамой, а потом попросил поднять его ко мне на подъемнике. Вскоре все закончилось. Я плакала и пыталась заставить его оглядеть с высоты окрестности, но он отказался. Он твердил, что никакой вид не стоит безопасности его девочки. Он спустил меня и увел домой, но я не могла там оставаться. Ведь даже там я слышала звука вгрызающихся в ствол моего платана бензопил. Тогда папа взял меня на работу, и пока он клал стену, я плакала в его машине.

Я плакала две недели кряду. Я, конечно, ходила в школу и старалась изо всех сил, но на автобусе ездить перестала, пересела на велосипед. Так получалось дольше, но это был путь в объезд Колльер-стрит. Я не хотела видеть кучку щепок, оставшуюся от самого прекрасного в мире платана.

Однажды вечером я сидела в комнате. Вошел папа, пряча что-то под куском ткани. Я догадалась, что это картина – он всегда так перевозит их на выставки. Он сел, поставил ее на пол и вдруг признался:

– Мне тоже нравилось это дерево. Я его заметил еще до того, как ты мне о нем сказала.

– Пап, все хорошо. Я забуду о нем.

– Нет, Джулианна, не забудешь.

На моих глазах выступили слезы, но я прошептала:

– Это просто дерево...

– Я ни в коем случае не хочу, чтобы ты себя в этом убеждала. Мы с тобой оба знаем, что это неправда.

– Но папа...

– Послушай меня, хорошо? – Он глубоко вдохнул. – Я хочу, чтобы ты сохранила память о нем. Чтобы ты запомнила, как чувствовала себя наверху. – Он немного замешкался, а потом вручил мне картину: – Я нарисовал ее для тебя.

Я сняла ткань и увидела... свое дерево. Мой прекрасный, величественный платан. Папа нарисовал лучи рассветного солнца, пробивающиеся сквозь ветви. Я словно почувствовала, как дует ветерок. Высоко на дереве сидела девочка с покрасневшим от ветра лицом и глядела вдаль. Радостная. Окутанная волшебством.

– Джулианна, не плачь. Я хочу помочь, а не расстроить тебя.

Я вытерла слезы, громко всхлипнула и наконец сказала:

– Спасибо, папочка... Спасибо.

Я повесила картину напротив кровати. Теперь это первое, что я вижу по утрам, и последнее, на что смотрю перед сном. Больше я не плачу. Но я по-прежнему вижу больше, чем просто дерево, – вижу все, что чувствовала на высоте.

И, кажется, именно в тот день мой взгляд на многие вещи стал меняться.

Ко-ко-ко

= Брайс =

Яйца меня пугают. Как и куры. Смейся сколько хочешь, друг мой, но я предельно серьезен. Этот страх у меня с шестого класса.

Тогда же случилась история со змеей. И братьями Бейкер.

Их зовут Мэтт и Майк, но я так и не понял, кто есть кто. Они никогда не расстаются. Они не близнецы, но выглядят и говорят практически одинаково. Оба – одноклассники Линетты. Видимо, то ли Мэтт, то ли Майк оставался на второй год, хотя сложно представить, что учителя вытерпели кого-то из них два года подряд. Ну, неважно. Именно братья Бейкер показали мне, как змея поедает яйцо. Конечно, сырое и вместе со скорлупой.

Я бы прекрасно прожил без этой информации, если бы не Линетта. Сестра втрескалась в старшеклассника, Скайлера Брауна. Он живет в нескольких кварталах от нас, и при любом удобном случае Линетта идет туда и тусуется с ним, пока он играет на барабанах. Ба-дум-тс. Спросите, при чем тут я? Итак, Скайлер и братья Джули основали группу. Назвали ее «Загадочный Ссыкун».

Мама пришла в ужас, когда это услышала:

– Что за родители разрешают детям играть в группе «Загадочный Ссыкун»? Какая мерзость! Отвратительно!

Линетта попыталась объяснить:

– Так в этом-то и суть, мам! В этом нет никакого смысла. Зато такое название выбесит старперов.

– Это ты меня так назвала, юная леди? – вспыхнула мама. – Получается, так, раз мне оно не понравилось!

Линетта только пожала плечами. Мама сама сделала выводы и не выдержала:

– Марш в свою комнату!

– За что? – огрызнулась сестра. – Я же ничего не сказала!

– Ты прекрасно знаешь за что! Иди подумай над своим поведением!

Линетту опять наказали. С тех пор каждый раз, когда она опаздывала к ужину больше чем на две минуты, мама гоняла меня к Скайлеру и заставляла тащить ее домой. Для Линетты это наверняка было унижительно, но мне приходилось куда хуже. Я все еще учился в началке, а «Загадочные Ссыкуны» – в старших классах. Они казались взрослыми и крутыми, их басы ревели на всю округу, а я был похож на зашуганного ученика воскресной школы.

Я так нервничал, что у меня срывался голос, когда я звал Линетту ужинать. Я буквально пищал. Со временем из названия группы исчезло слово «загадочный» и вся компания «Ссыкуна» ко мне привыкла. Они перестали на меня пялиться и обращались ко мне в духе «Эй, младшенький, заваливайся!» или «Эй, Брайси, хочешь струны подергать?». Так я и оказался в гараже Скайлера Брауна и стал свидетелем того, как удав глотает яйцо. Я уже видел его в спальне братьев Бейкер, так что сюрприз не удался. Они приберегли целое представление, чтобы меня напугать, но такого удовольствия я им не доставил. Это оказалось не так-то просто – вид глотающей яйцо змеи ужаснее, чем кажется. Удав распахнул пасть до гигантских размеров, взял яйцо и... буль! Оно покатилося по его горлу. Но это не все. После того как змея проглотила три яйца, то ли Мэтт, то ли Майк спросил:

– Ну, Брайс, как думаешь, как он их переварит?

Я пожал плечами и попытался ответить, не пища:

– С помощью желудочного сока?

Он покачал головой и сказал доверительным тоном:

– Ему нужно дерево. Или чья-то нога. – Он ухмыльнулся: – Может, твоя подойдет?

Я попятился. Я представил, как это монстр пытается заглотить мою ногу:

– Н-нет!

Он засмеялся и указал на змею, ползущую по комнате:

– Ооо, ну вот. Он нашел кое-что получше – пианино!

Пианино? Да что же это за чудовище? Как сестра может так спокойно находиться с ним в одной комнате? Я посмотрел на Линетту. Притворяется невозмутимой, но я ее знаю – она напугана до смерти.

Удав несколько раз обвился вокруг ножки пианино и замер, затем Мэтт или Майк поднял руки и объявил:

– Тсс! Тсс! Всем тихо! Сейчас начнется.

Змея задвигалась. Мы услышали, как внутри нее хрустят яйца.

– Какая мерзость! – воскликнула сестра.

– Во дает! – восхитились парни.

Майк и Мэтт улыбнулись друг другу и объявили:

– Ужин подан!

Я пытался сохранить хладнокровие, но с тех пор мне стали сниться кошмары о том, как эта чудовищная змеюка глотает яйца. Крыс. Кошек. И меня!

А затем начался настоящий кошмар.

Спустя пару недель после змеиного ужина на нашем крыльце появилась Джули. Что было у нее в руках? Коробка яиц. Она радостно подпрыгивала, словно вручала мне рождественский подарок:

– Привет, Брайс! Помнишь Эбби, Бонни, Клайда, Декстера, Юнис и Флоренс?

Я аж дар речи потерял. Кажется, оленей Санты звали как-то по-другому.

– Ну ты чего! Ты не помнишь моих кур? Я их вывела в прошлом году для конкурса проектов по естествознанию.

– Ах, да. Как я мог забыть.

– Они несут яйца! – Она впихнула коробку мне в руки. – Вот! Это тебе и твоей семье.

– Ой. Эм, спасибо! – поблагодарил я и закрыл дверь.

Раньше я любил яйца, особенно в виде омлета с беконом или ветчиной. Но даже если не брать в расчет эпизод со змеей, я знал, что эти яйца, как ни приготовишь, все равно получатся отвратительно. Их снесли куры, которых вывела Джули Бейкер в пятом классе.

Джули в своем репертуаре. На конкурсе она была в центре внимания, хотя весь ее проект сводился к наблюдению за яйцами. Друг мой, что в этом сложного? Берешь лампу, контейнер, обрывки газет, и все! Готово! Но Джули умудрилась расписать целый отчет, нарисовала схемы, графики, столбчатые и круговые диаграммы – и все про яйца! Еще и время рассчитала так, что цыплята вылупились в нужный вечер! Как это вообще возможно? Я сделал извергающийся вулкан. Старался от души, но все палились только на птенцов. Я сам сходил посмотреть на них – абсолютно объективно заявляю, что это скучно. Вылупляются они за пять секунд, а потом пять минут просто лежат.

А еще я слышал, как она забалтывает судей. Представляете, у нее была указка! Не какой-то карандаш, а настоящая раздвижная указка, которой можно достать до дальнего конца инкубатора и ткнуть в одну из диаграмм, попутно рассказывая, как интересно было наблюдать за яйцами три недели кряду. Для полного успеха не хватало только костюма курицы. Уверен, если бы она до этого додумалась, то надела бы его.

Ну да ладно, я это пережил. Джули есть Джули, что с нее взять. Но вот, спустя год, я стою с коробкой домашних яиц и пытаюсь не поминать недобрым словом дурацкий проект, с которым она победила в конкурсе.

Мама высунулась в коридор и спросила:

– Дорогой, кто это был? Что в коробке? Яйца?

По выражению ее лица было понятно, что она жаждет омлета.

– Ага, но я буду хлопья, – ответил я и вручил маме коробку.

Она с улыбкой заглянула туда и воскликнула:

– Как здорово! А кто их принес?

– Джули. Это ее.

– Ее?

– Ну, это ее куры снесли.

– О, правда? – Улыбка начала сходить с маминого лица. – Я не знала, что она... разводит кур.

– А ты не помнишь конкурс? Вы с папой в прошлом году целый час наблюдали за тем, как они вылуплялись.

– Хм... а как узнать, что... внутри нет цыплят?

Я пожал плечами:

– Именно поэтому я выбираю хлопья.

В итоге все завтракали хлопьями, но говорили о яйцах. Папа считал, что с ними все в порядке – в детстве он ел фермерские яйца, и они были очень вкусные. Мама боялась, что разобьет одно, а внутри окажется мертвый птенец. Скоро разговор свелся к тому, какую роль во всем этом играет петух. Наконец, подключилась Линетта:

– Если бы у нее был петух, мы бы об этом знали. Да весь район бы знал.

Все согласились с этим доводом, только мама засомневалась:

– А вдруг ее петух просто не кукарекает? Есть же собаки, которые не лают.

– Ха, петух не кукарекает, – сказал папа так, словно ничего смешнее в жизни не слышал.

Но тут он посмотрел на маму и понял, что безопаснее согласиться с существованием некукарекающих петухов. – Ну... я таких не встречал, но мало ли.

Линетта пожала плечами:

– Так спросите, в чем проблема. Мам, позвони миссис Бейкер.

– Хм, мне бы не хотелось спрашивать что-то в духе «Эти яйца точно нормальные?». Это как-то невежливо.

– Тогда спроси у Мэтта или у Майка, – предложил я Линетте.

Она зашипела:

– Заткнись.

– Что? Что не так-то?

– Ты разве не заметил, что я с ними больше не общаюсь, идиот?

– Линетта! – одернула ее мама. Как будто она первый раз слышит, как сестра меня обзывает.

– А что, это же правда! Как он мог не заметить?

– Дорогая, я как раз хотела у тебя об этом спросить. Что-то случилось?

Линетта встала, задвинула стул и, грубо ответив: «Как будто тебе не наплевать», ушла к себе.

– О боже. – Папа закатил глаза.

Мама извинилась и пошла за Линеттой. Когда мы остались вдвоем, папа спросил:

– Брайс, ну а ты сам почему не спросишь у Джули?

– Пап!

– Эй, это лишь невинный вопрос. Ничего страшного не случится.

– Но она же мне прочитает целую лекцию!
Папа изучающе посмотрел на меня и вдруг заявил:
– Мальчишки не должны так бояться девчонок.
– Я не боюсь ее!..
– Не похоже.
– Пап!
– Сынок, я серьезно. Побори страх и просто спроси у нее.
– Есть ли у них петух?
– Да. – Он встал, поставил тарелку в мойку и скомандовал: – Ну, мне пора на работу, а тебе – в школу. Вечером расскажешь про петуха.
Здорово. Просто замечательно. День еще не начался, а он уже испорчен.
В школе я рассказал обо всем Гаррету. Он пожал плечами и уточнил:
– Она же живет в доме напротив, так?
– Так, и что с того?
– Так загляни через забор.
– Предлагаешь шпионить?
– Ну да.
– Окей... а как понять, кто из них петух?
– Петухи... не знаю, покрупнее. И у них перьев больше.
– Перьев? Мне их посчитать что ли?
– Да нет же, дурень! А, еще мама говорит, что мужские особи умнее. – Он засмеялся и добавил: – Хотя в твоём случае не уверен.
– Спасибо, чувак. Очень ценные сведения.
– Короче, – подвел итог Гаррет, – петух больше, и у него перья более яркие и длинные, типа хвоста. Черные, красные или еще черт знает какие. А еще у петухов есть эти красные штуки на макушке. На резину похожи. И на шее тоже. Да и вообще по всей голове.
– Значит, нужно искать кого-то с большими перьями и красными штуками.
– Хм, если подумать, красные штуки и у куриц есть. Но они меньше.
Я вздохнул и собрался сказать: «Забей, проще уж спросить у Джули», но тут он предложил пойти со мной.
– Что, правда?
– Само собой, дружище.
После звонка мы сразу ринулись к дому Джули – рассчитывали быстро исполнить наш план и смыться до того, как она вернется. Мы даже рюкзаки не закинули домой. И вот, в половину четвертого мы наблюдали через забор за задним двором Бейкеров. Ужасно не хотелось этим заниматься, но секретная операция была необходима для вечернего отчета перед отцом.
Через забор можно было не заглядывать – *сквозь* него и так неплохо видно. Хотя все равно пришлось высунуть голову – вслед за Гарретом. Конечно, не ему же жить в этом районе.
На дворе был хаос. Ничего удивительного. Кусты растут как хотят, к одной стороне забора примыкает построенный тяп-ляп курятник из проволоки и досок, а еще нигде совсем нет травы – одна грязь.
Гаррет первым заметил пса, дремавшего на веранде между двух ветхих складных стульев. Он указал на собаку:
– Как думаешь, он нам помешает?
– Если и так, мы успеем смотаться! Где дурацкие куры?
– Наверное, в курятнике, – Гаррет поднял с земли камень и кинул в сооружение из фанеры и проволоочной сетки.
Сначала мы услышали, как захлопало множество крыльев, а затем на улицу выскочила одна из кур. Мы даже издали увидели, что у нее есть и перья, и красная штука.

– И? – Я повернулся к Гаррету. – Кто это? Петух?

Он пожал плечами:

– По-моему, нет.

– Как ты это понял?

Он снова пожал плечами:

– Мне так кажется.

Мы понаблюдали, как птица копошится в грязи. Я спросил:

– Кстати, кто такие несушки?

– Несушки?

– Ага. Ну вот есть петухи, есть куры, а еще есть несушки. Знаешь, кто это?

– Ну, кто-то из них? – Он указал на задний двор.

– А курицы тогда кто?

Он на меня посмотрел как на сумасшедшего:

– Ты о чем вообще?

– О курицах! Кто из них курицы?

Он отошел от меня и отметил:

– Чувак, у тебя уже крыша едет. Вон курица! – Он слез с забора, поднял еще камень и хотел было кинуть, но тут открылась дверь и во двор вышла Джули.

Мы пригнулись, уставились на нее сквозь дырки в заборе, и я пробормотал:

– И когда она успела вернуться?

– Когда ты размышлял о несушках, – пробурчал Гаррет и вдруг оживился: – Погоди-ка, все отлично! Смотри, у нее ведро. Наверное, вышла собрать яйца.

Сначала она посюсюкалась с облезлым псом: присела на корточки, взъерошила ему шерсть, погладила, обняла и проворковала: «Хороший мальчик!» Наконец она отпустила его, шикнула на напуганную Гарретом курицу и... начала петь. Как завопит: *«Для меня светит соолнце пасмурным днем. У меня в душе май, когда на улице хоолод. Спросишь, почему мне так хорошо? Мои девочки. Все из-за моих де-во-че-ек...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.